

1001 ночь.

Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане и его сыне ШаррКане, и другом сыне Дау-аль Макане, и о случившихся с ними чудесах и диковинах

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 45-50](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 51-56](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 57-62](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 63-68](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 69-74](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 75-80](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 81-86](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 87-92](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 93-98](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 99-107](#)

Пятьдесят первая ночь

Когда же настала пятьдесят первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Шарр-Кан приказал царевне Абризе и ее девушкам снять бывшие на них одежды и одеться в платья румских девушек. И они это сделали, а затем он послал отряд своих людей в Багдад оповестить своего отца Омара ибн ан-Нумана о своем прибытии и сообщить ему, что с ним царевна Абриза, дочь царя Хардуба, царя румов, чтоб он послал ее встретить.

А затем они тотчас же и в ту же минуту спешили на том самом месте, куда прибыли, и Шарр-Кан тоже спешил, и они проспали до утра. А когда Аллах великий засветил утро, Шарр-Кан сел на коня вместе с теми, кто был с ними, и царевна Абриза со своим войском тоже села на копей, и они направились к городу. И вдруг приблизился везирь Дандан во главе тысячи всадников, чтобы встретить царевну Абризду с Шарр-Каном (а они вышли им навстречу по приказанию царя Омара ибн ан-Нумана).

И, приблизившись, они направились к ним и поцеловали перед ним землю, а затем оба сели на коней, и воины тоже сели и поехали, сопровождая их, и вступили в юрод и отправились во дворец. И Шарр-Кан вошел к своему отцу, а тот поднялся и обнял его, и спросил его о происшедшем.

И Шарр-Кан рассказал ему, что говорила царевна Абриза и что произошло у него с нею и как она оставила свое царство и рассталась со своим отцом.

"Она предпочла отправиться с нами и жить у пас, – говорил он, – и царь аль-Кустантынии хотел устроить с нами хитрость из-за своей дочери Суфии, так как царь румов сообщил ему ее историю и почему она была подарена тебе, а царь румов не знал, что она дочь царя Афридуна, царя аль-Кустантынии. И если бы он это знал, он бы не подарил ее тебе, но, напротив, возвратил бы ее отцу. И мы спаслись от этих дел, – говорил Шарр-Кан своему отцу, – только из-за этой девушки, Абризы, и я не видал никого доблестней ее".

И он начал рассказывать своему отцу о том, что у него с нею случилось, от начала до конца, и о борьбе, и о поединке. И когда Омар ибн ан-Нуман услышал это от своего сына Шарр-Кана, Абриза стала великой в его глазах, и ему захотелось увидеть ее. И он потребовал Абризду, чтобы расспросить ее, и Шарр-Кан пошел к ней и сказал: "Царь зовет тебя!", и она ответила вниманием и повиновением. И тогда Шарр-Кан взял ее и привел к отцу, а царь сидел на своем престоле. И он велел выйти всем, кто был возле него из вельмож царства, и около него остались только евнухи, и тогда дева Абриза вошла и поцеловала землю меж рук царя Омара ибн ан-Нумана и изъяснилась прекрасными словами. И царь удивился ее красноречию и поблагодарил ее за то, что она сделала его сыну Шарр-Кану. И он приказал ей сесть, и она села и открыла лицо. И когда царь увидал ее, ум улетел у него из головы; а затем он велел ей подойти и приблизил ее к себе и отвел особый дворец для нее и ее невольниц, и назначил ей и ее девушкам выдачи.

И он стал расспрашивать ее о трех драгоценных камнях, о которых было упомянуто прежде. И Абриза сказала: "Вот, они со мной, о царь времени!" И, поднявшись, она отправилась в свое помещение и развязала своп пожитки и достала ларчик, из которого она вынула золотую коробку и, открыв ее, вынула оттуда три драгоценных камня и поцеловала их и отдала царю, и ушла и взяла с собой его сердце.

А после ее ухода царь послал за своим сыном ШаррКаном. И когда тот явился, дал ему один камень из трех камней, и Шарр-Кан спросил его о двух других, и царь ответил: "О дитя мое, я дал один камень твоему брату Дау-аль-Макану, а другой я отдал Нузхат-аз-Заман твоей сестре". И, услышав, что у него есть брат по имени Дау-аль-Макан (а он знал только о своей сестре Нузхатаз-Заман, Шарр-Кан обратился к своему отцу и спросил:

"О царь, разве у тебя есть сын, кроме меня?" – "Да, и ему теперь шесть лет от роду", – отвечал царь. И он рассказал Шарр-Кану, что его брата зовут Дау-аль-Макан, а сестру – Нузхат-аз-Заман и что они рождены в один раз, и Шарр-Кану было тяжело это слышать, но он сохранил горесть в тайне и сказал отцу своему: "По благословию Аллаха великого!" И он бросил камень из рук и отряс свои одежды. И его отец спросил его: "Что это я вижу, ты расстроился, услышав об этом? Ведь ты же будешь владеть царством после меня, и я заставил свои войска поклясться тебе, и эмиров моего правления я привел к присяге. А этот камень из трех камней принадлежит тебе".

И Шарр-Кан опустил голову к земле и устыдился спорить со своим отцом, а затем он принял от нею камень и поднялся, не зная, как поступить от сильного гнева. К он шел до тех пор, пока не вошел во дворец царевны Абризы, и когда он приблизился, она поднялась перед ним и поблагодарила его за его поступки и призвала благословение на него и на его отца. И она села и посадила его рядом с собой, и когда он уселся, царевна увидела на его лице гнев и начала расспрашивать его, и он рассказал ей, что у его отца родились от Суфии двое детей мужского и женского пола, и мальчика он назвал Дау-аль-Макан, а девочку – Нузхат-аз-Заман он дал им два камня, а мне он дал один, – говорил Шарр-Кан, – и я оставил этот камень. И я узнал о споем брате и сестре только теперь, а им, оказывается, уже шесть лет. И когда я узнал об этом, меня охватил гнев. И вот я рассказал тебе а причине моего гнева и не скрыл от тебя ничего. Теперь я боюсь, что он женится на тебе, так как он тебя полюбил, и я увидел в нем признаки желания взять тебя. Что ты скажешь, если он этого захочет?" "Знай, о ШаррКан, – отвечала царевна, – что твой отец не имеет надо мной власти и не может взять меня без моего согласия, а если он возьмет меня насильно, я убью себя. А что касается до трех камней, то мне не пришло на ум, что он пожалует хоть один из них кому-нибудь из своих детей, я думала, что он их положит в свою казну вместе с сокровищами. Но я хочу от тебя милости: подари мне тот камешек, который твой отец дал тебе, если он у тебя".

И Шарр-Кан отвечал вниманием и повиновением и отдал ей камень. И царевна сказала ему: "Не бойся!" – и поговорила с ним некоторое время. "Я боюсь, – сказала она, – что мой отец услышит, что я у вас, и не станет медлить и будет стремиться найти меня. И он сговорится с царем Афридуном из-за его дочери Суфии, и они придут к вам с войсками, и будет великая тревога". – "О госпожа! – сказал Шарр-Кан, услышав это. – Если ты согласна остаться у нас, не думай о них, даже если бы собрались против нас все, кто есть на суше и на море". – "В этом будет только одно добро, отвечала она; – если вы будете ко мне милостивы, я останусь у вас, а если будете злы, покину вас".

И затем она приказала невольницам принести коекакой еды, и подали столик, и Шарр-Кан поел немного, а потом он отправился в свое

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

жилище, озабоченный и огорченный. Вот что было с Шарр–Каном.

Что же касается до его отца, Омара ибн ан–Нумана, то, когда его сын ушел от него, он встал и вошел к своей невольнице Суфии, неся с собой те два камешка. И, увидав его, она встала и стояла на ногах, пока он не сел. И к нему подошли его дети – Дау–аль–Макан и Нузхатаз–Заман. Увидев их, он поцеловал их и повесил на шею каждого из них один камень; и дети обрадовались и поцеловали ему руки и подошли к своей матери, и она тоже обрадовалась и пожелала царю долгой жизни. И царь спросил ее: "А почему ты за все время не сказала мне, что ты дочь царя Афридуна, царя аль–Кустантынии. Я увеличил бы свои милости к тебе и умножил бы твое благосостояние и возвысил бы твое место". И, услышав это, Суфия сказала: "О царь, а чего бы мне хотеть больше и выше, чем мое место у тебя? Я засыпана твоими милостями и благами, и Аллах наделил меня от тебя двумя детьми мужского и женского пола". И царю Омару ибн ан–Нуману понравились ее слова. И потом он ушел от нее и отвел ей с детьми диковинный дворец и приставил к ней челядь и слуг, и законников, и мудрецов, и звездочетов, и врачей, и костоправов и велел служить ей, и оказал им большое уважение и проявил к ним крайнюю милость. А потом он отправился во дворец своей власти, где творил суд между людьми. Вот что было у него с Суфией и ее детьми.

Что же касается до царя Омара ибн ан–Нумана и его дел с царевной Абризой, то его охватила любовь к ней, и он был влюблен в нее и ночью и днем. И каждый вечер он ходил к ней и беседовал с нею и намекал ей словами, по она не давала ему ответа и говорила: "О царь времени, мне нет сейчас охоты до мужчин". И когда он увидел ее сопротивление, его страсть усилилась и любовь и тоска увеличились. И, истомленный этим, он призвал своего везира Дандана и сообщил ему, как велика в его сердце любовь к царевне Абризе, дочери царя Хардуба, и рассказал ему, что она не оказывает ему повиновения и что любовь к ней убила его, но он ничего от нее не получил.

И, услышав это, везирь Дандан сказал царю: "С наступлением ночи возьми с собой кусочек банджа весом в мискаль, войди к ней и выпей с ней немного вина, и когда придет время кончать застольную беседу и питье, дай ей последний кубок и положи туда этот бандж и заставь ее выпить его. Поистине, она не дойдет до своего ложа раньше, чем бандж возьмет над ней власть. И тогда ты войдешь к ней и соединишься с ней и достигнешь твоей цели. Вот каково мое мнение". – "Прекрасно то, что ты мне посоветовал!" – ответил царь.

И затем он направился в свою кладовую и взял кусок очищенного банджа, да такой, что если бы его понюхал слон, он бы проспал от года до года. И он положил бандж за пазуху и, выждав, пока прошла малая часть ночи, вошел к царевне Абризе в ее дворец, и, увидав его, она встала перед ним на ноги, но царь приказал ей сесть. И она села, а царь сел подле нее и стал с ней разговаривать про вино. И она разостлала скатерть с вином и расставила перед ним сосуды и зажгла свечи и приказала подать закуски и сладости, и плоды, и все, в чем они нуждались. И они стали пить, и царь беседовал с нею, пока опьянение не проникло в голову царевны Абризы. Когда царь это понял, он вынул кусок банджа из–за пазухи и, положив его между пальцами, наполнил своей рукой кубок и выпил его, а потом налил его второй раз и сказал царевне Абризе: "За твою дружбу!" – и бросил кусок банджа в кубок, а она не знала этого. И царевна Абриза взяла кубок и выпила его. Не прошло и часа, как царь понял, что бандж овладел ею и похитил ее разумение. И он подошел к ней и увидел, что она лежит на спине (а она сняла с ног шальвары) и подол ее рубахи приподнят. И когда царь увидел ее в таком состоянии (а он нашел у нее в головах свечу и у ее ног свечу, освещавшую то, что у нее между бедер), преграда встала между ним и его умом, и сатана нашептывал ему, так что он не мог владеть собою и, снявши шальвары, упал на девушку и уничтожил ее девственность. А потом он поднялся с нее и вошел к одной из ее невольниц, которую звали Марджана, и сказал ей: "Войди к твоей госпоже, поговори с нею".

И девушка вошла к своей госпоже и увидела, что у той течет по ногам кровь и что она брошена на спину, и тогда она взяла в руку платок из ее платков и прибрала свою госпожу, вытерши с нее кровь, и проспала эту ночь подле нее. А когда Аллах великий засветил утро, невольница Марджана вымыла лицо своей госпожи и ее руки и ноги, и, принеся розовой воды, омыла ею лицо Абризы и ее рот, и тогда царевна Абриза чихнула и зевнула и извергнула бандж, и кусок банджа выпал из нее, как шарик. И затем Абриза омыла лицо и рот и спросила Марджану: "Скажи мне, что со мной было?" И невольница рассказала ей о том, что с ней произошло. И тогда Абриза поняла, что царь Омар ибн ан–Нуман лежал С нею и познал ее и что его хитрость с нею удалась. И она сильно огорчилась из–за этого и затворилась от всех и сказала своим невольницам: "Не пускайте никого, кто захочет ко мне войти, и говорите: "Она больна", а я посмотрю, что сделает со мною Аллах великий".

До везира Омар ибн ан–Нумана дошла весть о том, что царевна Абриза больна, и он послал ей питья и сахар и мази, и царевна провела многие месяцы, затворившись. А потом огонь царя охладел, и ее тоска по ней погасла, и он воздерживался от нее, а Абриза понесла от него, и месяца ее тягости проходили, и беременность ее стала явной, и живот ее увеличился, и мир стал для нее тесен. И она сказала своей невольнице Марджане: "Знай, что не люди меня обидели; это я навлекла на себя беду, расставшись с моим отцом, матерью и царством. Мне отвратительна жизнь, и мой дух сломлен, и у меня не осталось больше бодрости и силы. Раньше, когда я садилась на моего копя, я справлялась с ним, а теперь я не могу сесть на коня, и если я рожу у вас, я буду опозорена пред моими невольницами, и все, кто есть во дворце, узнают, что он взял мою невинность прелюбодеянием. И когда я вернусь к моему отцу, то с каким лицом я его встречу и ворочусь к нему? Как прекрасны слова поэта:

О, чем развлекусь, коль нет ни близких, ни родины,

Ни чащи, ни дома нет и нет сотоварища"

И Марджана ответила: "Повеление принадлежит тебе, и я тебе повинуюсь!" И тогда Абриза сказала: "Я хочу сейчас же выйти, тайно, чтобы никто не знал обо мне, "хrome тебя, и вернуться к отцу и матери. Ведь когда мясо мертвого начинает вонять, подле него остался только близкие, и Аллах сделает со мной то, что хочет". – "Прекрасно то, что ты делаешь, о царевна!" – сказала Марлям ша. И Абриза собралась, скрывая свою тайну, и выждала несколько дней, пока царь не выехал на охоту и ловлю, а его сын Шарр–Кан не отправился в крепости, чтобы пробыть там некоторое время. И тогда она обратилась к своей невольнице Марджане и сказала ей: "Я хочу выехать сегодня ночью, но что мне делать против судьбы? Я чувствую, что подходит разрешение и роды; если я останусь еще пять дней или четыре, то рожу здесь и не смогу отправиться в мои земли, но что было написано у меня на лбу". И она подумала немного и сказала Марджане: "Присмотри нам человека, с которым мы бы поехали и он бы служил нам в пути. У меня нет силы носить оружие". – "Клянусь Аллахом, госпожа, – ответила Марджана, я не знаю никого, кроме черного раба, которого зовут альГадбан. Он из рабов царя Омара ибн ан–Нумана, и он храбрец и приставлен к воротам нашего дворца, и царь велел ему прислуживать нам, и мы осыпали ею милостями. Вот я выйду и поговорю с ним об этом деле и обещаю ему денег и скажу ему: "Если ты захочешь остаться у нас, мы женим тебя на ком пожелаешь". Он раньше мне говорил, что был разбойником на дороге, и если он нас послушается, мы достигнем желаемого и прибудем в наши земли". – "Позови его ко мне, я поговорю с ним", – сказала царевна, и Марджана вошла и позвала: "О Гадбан, Аллах даст тебе счастье, если ты согласишься на то, что скажет тебе моя госпожа". И она взяла ею за руку я подвела к Абризе. И аль–Гадбан, увидав ее, поцеловал си руки, а когда Абриза увидела ею, ее сердце устремилось от него, но она сказала себе: "У необходимости свои законы!" И обратившись к аль–Гадбану, она заговорила с ним, хотя ее сердце устремлялось от него, и сказал: "О Гадбан, будет ли нам от тебя помощь против коварства судьбы? Если я открою тебе мое дело, будешь ли ты скрывать его?" А когда раб взглянул на Абризу, она задела его сердцем, и он сейчас же полюбил ее и мог лишь сказать: "О госпожа, если ты мне что–нибудь прикажешь, я не отступлюсь от этого". – "Я хочу, – сказала Абриза, – чтобы ты сейчас взял меня и вот эту мою невольницу и оседлал бы нам вычюнных верблюдов и пару голов коней из коней царя и положил бы на каждого коня мешок денег и немного пищи. Ты поедешь с нами в нашу страну, и если ты останешься с нами, я женю тебя на той, кого ты выберешь из моих невольниц, а если пожелаешь возвратиться в твою страну, мы тебя женим и отдадим в твою землю, кто тебе полюбится, а кроме того, ты получишь достаточно денег".

И, услышав эти слова, аль–Гадбан обрадовался сильной радостью и воскликнул: "О госпожа, я буду служить вам своими глазами и поеду с вами и оседлаю вам коней!" И он пошел, радостный, и сказал себе: "Я достиг того, чего желал от них, а если они мне не подчинятся, я убью их и возьму деньги, которые будут с ними". И он затаил это в своей душе, а потом он ушел и вернулся, и с ним было два навьюченных верблюда да три головы коней, и он сидел (па одном из них. И он подошел к царевне Абризе и подвел к ней коня, а она села на одного из них и на другого посадила Марджану, а сама она мучилась от родов и не могла владеть собою от сильной боли. И аль–Гадбан, не переставая, ехал с ними в ущельях гор, днем и ночью, пока между ними и ее страню не остался один день пути. И тогда к ней подошли роды, и она не могла задержать их и сказала аль–Гадбану: "Спусти меня на землю: роды подошли!" И она крикнула Марджане: "Сойди, сядь подо мной и помоги мне родить!" И тогда Марджана сошла с коня, и аль–Гадбан также сошел с коня и привязал поводья обоих коней. И царевна Абриза спустилась со своего коня, исчезая из мира от сильной боли в родах. И когда аль–Гадбан увидел, что она сошла на

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

землю, сатана встал перед лицом его, и он обнажил меч перед Абризой и сказал: "О госпожа, пожалей меня и дай мне близость с тобою!" И Абриза, услышав его слова, обернулась к нему и воскликнула:

"Мне остаются только черные рабы, после того как я не соглашалась па царей и вождей..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьдесят вторая ночь

Когда же настала пятьдесят вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царица Абриза сказала рабу аль-Гадбану: "Мне остаются только черные рабы, после того как я не соглашалась на царей и вождей", и разгневалась на него и воскликнула: "Горе тебе, что это за слова ты говоришь! Горе тебе, не произноси ничего такого в моем присутствии! Знай, что я не соглашусь ни на что из того, что ты говорил, даже если бы мне дали выпить чашу гибели. Но подожди, пока я приберу новорожденного и приберусь сама и выкину послед, а потом, если ты со мной справишься, делай, что хочешь. И если ты сей же час не оставишь мерзкие речи, я убью себя своею рукой и расстанусь с жизнью и отдохну от всего этого".

И она произнесла;

"Оставь меня, Гадбан, с меня довольно

Одной борьбы с превратностями рока!

Господь мой запретил мне делать мерзость,

И он сказал: "В огне приют строптивых".

И дел дурных не склонна совершать я,

Оставь же, не гляди дурным ты оком,

А если не оставишь со мной мерзость,

Не охранишь моей для бога чести,

Сородичей я кликну во весь голос

И привлеку и близких и далеких.

Разрежут пусть меня клинком йеменским

Развратному не дам себя увидеть,

Хоть был бы он свободным и великим,

Не то, что раб, отродье непотребных".

И когда аль-Гадбан услышал эти стихи, он разгневался сильным гневом, его глаза покраснели, лицо его сделалось цвета пыли, его ноздри раздулись и губы отвисли, и он стал еще более отвратителен. И он произнес такие стихи:

"О, не оставь меня, прошу, Абриза,

Убитым от любви йеменским взором [108]

Суровостью твоей душа разбита,

Худеет тело, кончилось терпенье.

Твой взор сердца, как чарами, пленяет

Мой ум далеко, а тоска так близко.

И если землю войском ты наполнишь,

Я все равно желанного достигну".

И когда Абриза услышала его слова, она заплакала сильным плачем и воскликнула: "Горе тебе, о Гадбан! Разве до того дошла твоя сила, что ты обращаешь ко мне такие речи! О дитя прелюбодеянья, о питомец непотребства! Или ты считаешь, что люди все равны?" И, услышав он нее все это, скверный раб разгневался, и глаза его покраснели, и, подойдя к ней, он ударил ее мечом по шее и убил ее, и погнал ее коня, взяв сначала деньги, и спас свою душу в горах. Вот что было с аль-Гадбаном.

Что же касается до царицы Абризы, то она родила дитя мужского пола, подобное месяцу, и Марджана взяла ею, прибрала и положила рядом с матерью, и дитя схватило ее соски, когда она была мертвая. И Марджана закричала великим криком, разорвала на себе одежды и посыпала прахом свою голову и била себя по щекам, пока ид лице ее не выступила кровь, и она кричала: "Увы, моя госпожа! О мое горе! Ты пала от руки черного раба, который ничего не стоит, и при твоей то доблести!"

И она плакала, не переставая, и вдруг поднялась пыль и застлала края неба, и эта пыль рассеялась, и из-за нее показалось большое войско. А это войско было войском царя Хардуба, отца царицы Абризы. А причиною этого Было то, что когда он услышал, что его дочь со своими девушками убежала в Багдад и находится у царя Омара ибн ан-Нумана, он выступил со своими людьми, чтобы разузнать о дочери у проезжих путешественников, если от ее видели у царя Омара ибн ан-Нумана. И когда он выступил и удалился от своего города на один день пути, он увидел вдали трех всадников и направился к ним, что бы спросить их, откуда они едут, и узнать веет о своей дочери (а он увидел вдали тех троих – свою дочь, ее невольницу и раба аль-Гадбана, и направился к ним, чтобы расспросить их). И когда он к ним направился, раб испугался за себя и убил Абризую и обратился в бегство. А ее отец, приблизившись, увидел, что она убита и ее невольница плачет над нею. И он бросился со своего коня и упал на землю, лишившись сознания, и все бывшие с ним витязи, эмиры и везири спешили и тот час же разбили шатры в горах и поставили царю Хардубу круглый шатер со сводом, и вельможи царства встали снаружи этого шатра. А когда Марджана увидела своего господина, она у знала его, и ее плач усилился, а царь, очнувшись от обморока, спросил ее, как было дело. И она рассказала ему всю историю.

"Тот, кто убил твою дочь, – черный раб из рабов Омара ибн ан-Нумана", – сказала она и рассказала, что сделал царь Омар ибн ан-Нуман с его дочерью.

И когда царь Хардуб услышал это, мир стал черен перед лицом ею, и он горько заплакал, а потом он велел подать носилки и понес на них

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

свою дочь и отправился в Кайсарию, и ее внесли во дворец.

А затем царь Хардуб вошел к своей матери Зат–ад–Давахи и сказал ей: "Так–то поступают мусульмане с моей дочерью! Царь Омар ибн ан–Нуман берет ее невинность силой, а после того ее убивает черный раб из его рабов! Клянусь мессией, мы непременно должны отомстить ему за мою дочь, и я сниму позор с моей чести, а не то я убью себя своей рукой".

И он горько заплакал, а его мать Зат–ад–Давахи сказала ему: "Никто не убил твою дочь, кроме Марджаны. Она втайне ее ненавидела. Не печалься о том, чтобы нам отомстить за нее. Клянусь мессией, я не отступлюсь от царя Омара ибн ан–Нумана, прежде чем не убью его и его детей. И поистине, я сделаю с ним дело, на которое бессильны хитрецы и храбрые. О нем будут рассказывать рассказчики во всех концах и во всех местах! Но тебе должно следовать моему приказу во всем, что я тебе скажу, ибо тот, кто твердо решился, достигнет того, чего хочет". И царь ответил: "Клянусь мессией, я никогда не буду перечить тебе в том, что ты скажешь!" И она сказала: "Приведи ко мне невольниц высокогрудых, невинных и приведи мне мудрецов нашего времени! И пусть они учат их мудрости и вежеству с царями и умению вести беседу стихами, и говорят с ними о премудростях и наставлениях. И мудрецы должны быть мусульманами, чтобы передать им рассказы о древних арабах и истории халифов и повести о прежних владыках ислама. И если мы проведем за этим четыре года, мы наверное достигнем желаемого. Продли же терпенье и подожди, – ведь говорит кто–то из арабов: "Отомстить спустя сорок лет – не долго". А мы, когда обучим этих девушек, достигнем от нашего врага чего захотим, ибо он предается любви, и невольниц у него триста шестьдесят шесть, к которым прибавилась сотня твоих лучших девушек, что были с покойницей, твоей дочерью. И когда невольницы обучатся тому, о чем я тебе говорила, я возьму их с собой и уеду с ними".

И царь Хардуб, услышав слова своей матери Зат–ад–Давахи, обрадовался, встал и поцеловал ее в голову, а потом он в ту же минуту послал путешественников и посланцев в отдаленные страны, чтобы привести к нему мусульманских мудрецов. И они последовали его приказу и приехали в далекие страны, и привезли ему мудрецов и ученых, которых он требовал. И когда мудрецы предстали перед Хардубом, он оказал им крайнее уважение и одарил их почетными платьями и назначил им выдачи и жалованье и обещал им большие деньги, когда они обучат девушек. И затем он привел к ним девушек..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьдесят третья ночь

Когда же настала пятьдесят третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда ученые и мудрецы явились к царю Хардубу, он оказал им великий почет и, приведя к ним девушек, приказал обучить их мудрости и вежеству и они последовали его приказу.

Бот что было с царем Хардубом. Что же касается царя Омара ибн ан–Нумана, то, вернувшись с охоты и ловли и войдя во дворец, он стал искать царевну Абризу, но не нашел ее, и никто не рассказал ему о ней и не осведомил его о том, что было. И ему стало от этого тяжело, и он воскликнул: "Как может быть, чтобы девушка вышла из дворца и никто о ней не знал бы! Если таковы дела в моем царстве, то пользы от него нет, и нет в нем устроителя. И я не выйду снова на охоту и ловлю, пока не пошлю людей к воротам, чтобы охранять их!" И его печаль усилилась, и грудь у него стеснилась из–за разлуки с царевной Абризой.

И пока все это было с ним, сын его Шарр–Кан прибыл из путешествия, и отец осведомил его о случившемся и рассказал ему, что Абриза убежала, когда он был на охоте и ловле. И Шарр–Кан огорчился великим огорчением. А затем царь стал каждый день наведываться к своим детям и оказывать им благоволение. И призвал мудрецов и ученых, чтобы они обучали его детей, и назначил им выдачи. И когда Шарр–Кан увидел это, он пришел в великий гнев и позавидовал брату и сестре, так что следы гнева показались на лице его, и он непрестанно болел из–за этого. И в один день из дней отец сказал ему: "Что это, я вижу, ты становишься все слабее телом и желтее лицом?" И Шарр–Кан отвечал ему: "О батюшка, всякий раз, как я вижу, что ты приближаешь к себе моего брата и сестру и оказываешь им милости, меня охватывает зависть, и я боюсь, что зависть моя увеличится и я убью их, а ты убьешь меня, когда я убью их. И болезнь моего тела и изменение цвета лица из–за этого. Я хочу от твоей милости, чтобы ты дал мне крепость вдали от других крепостей, где я и провел бы остаток моей жизни. Ведь говорит сказавший поговорку: "Быть вдали от любимого лучше мне и прекраснее; не видит око – не грустит сердце". И он опустил голову к земле.

Когда царь Омар ибн ан–Нуман услышал его речи и понял причину его немощи, он стал его уговаривать и сказал: "О сын мои, я согласен на это. В моем царстве нет крепости больше Дамаска, и я отдаю ее тебе во власть от сего часа".

И он призвал писцов в тот же час и минуту и приказал написать указ о назначении своего сына Шарр–Кана правителем Дамаска Сирийского, и они записали это, И Шарр–Кана снарядили, и он взял с собою везира Дандана, и отец его велел везиру управлять владениями Шарр–Кана и поручил ему вести все его дела и пребывать подле него. А затем отец простился с ним, и простились эмиры и вельможи царства, и Шарр–Кан двинулся со своим войском и прибыл в Дамаск. И когда он достиг города, жители забили в литавры и затрубили в трубы, и город окрасили и встретили Шарр–Кана большим шествием, где вельможи правой стороны шли справа, а вельможи левой стороны – слева.

Вот что было с Шарр–Каном. Что же касается до его родителя, Одыра ибн ан–Нумана, то после отбытия его сына и Шарр–Кана мудрецы пришли к нему и сказали: "О властитель наш, твои дети изучили науку и в совершенстве освоили мудрость, вежество и правила обхождения". Царь возрадовался великой радостью и пожаловал мудрецов. И он увидел, что Дау–аль–Макан вырос и стал большой, и садился на коня и достиг возраста четырнадцати лет. Он рос, занятый делами веры и благочестия, и любил бедняков и людей науки и знатоков Корана. И жители Багдада полюбили его, мужчины и женщины. И вот однажды через Багдад проходил иракский караван с носилками [109], чтобы совершить паломничество и посетить могилу пророка, – да благословит его Аллах и да приветствует! И когда Дау–аль–Макан увидел шествие, сопровождавшее носилки, ему захотелось совершить паломничество. И он вошел к своему отцу и сказал: "Я пришел к тебе, чтобы попросить разрешения отправиться в паломничество". Но отец запретил ему это и сказал: "Подожди до следующего года, мы отправимся с тобою".

И, убедившись, что это дело затягивается, Дау–аль–Макан вошел к своей сестре Нузхат–аз–Заман и увидел ее стоящей на молитве, и, когда она совершила молитву, он сказал ей: "Меня убивает желание отправиться в паломничество к священному дому Аллаха и посетить могилу пророка, – молитва над ним и привет! Я спросил у отца позволения, но он запретил мне это, и я намерен взять немного денег и уйти в паломничество тайно, не осведомляя об этом отца". – "Заклинаю тебя Аллахом, – вое кликнула его сестра, – возьми меня с собою! Не лишай меня посещения могилы пророка да благословит его Аллах и да приветствует!" И Дау–аль–Макан сказал ей: "Когда спустится мрак, выходи отсюда и не говори об этом никому".

И когда наступила полночь, Нузхат–аз–Заман встала, взяла немного денег и, надев мужскую одежду (а она достигла того же возраста, что и Дау–аль–Макан), прошла, не останавливаясь, до ворот дворца и увидала, что ее брат Дау–аль–Макан уже снарядил верблюдов, и он сел и посадил ее, и они поехали ночью и смешались с караваном и ехали до тех пор, пока не оказались посреди иракского каравана. И они непрерывно двигались (а Аллах начертал им благополучие), пока не вступили в Мекку Почти таемую и остановились на горе Арафат [110], и совершили обряды паломничества, и затем пошли посетить могилу пророка [111], – да благословит его Аллах и да приветствует, – и посетили ее.

А после этого они хотели возвратиться с паломниками в свою страну, и Дау–аль–Макан сказал сестре: "Сестрица, мне хочется посетить Иерусалим и друга Аллаха, Ибрахима [112], да будет с ним мир!" – "И мне также", – отвечала она, и они согласились на этом.

И Дау–аль–Макан вышел и нанял себе и ей верблюдов в караване иерусалимлян, и они снарядились и отправились с караваном. И в ту же ночь на сестру его напала горячка с ознобом, и она захворала, а потом поправилась, и он тоже захворал. И Нузхат–аз–Заман ухаживала за ним во время его болезни. И они шли непрерывно, пока не вступили в Иерусалим, и болезнь Дау–аль–Макана усилилась, и слабость его увеличилась. И они остановились там в хане и наняли себе помещение, где и расположились, а недуг Дау–аль–Макана становился все сильнее, так что истомил его, и он исчез из мира. И сестра его, Нузхат–аз–Заман огорчилась этим и воскликнула: "Нет мощи и силы, кроме

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

как у Аллаха, высокого, великого! Таков приговор Аллаха!"

И так она жила с братом в этом месте, и болезнь его все усиливалась, а сестра ходила за ним и тратила на себя и на него последнее. И деньги, бывшие у нее, вышли, и она обеднела, так что у нее не осталось ни дирхема, и тогда она послала мальчика из хана на рынок с кое-какими материями, и он продал их, а деньги она истратила на своего брата. А потом она продала еще кое-что и все время продавала свои пожитки, вещь за вещь, пока у нее не осталось и рваной циновки. И тогда она заплакала и воскликнула: "Аллаху принадлежит власть и доныне и впреды!" И брат сказал ей: "Сестрица, я почувствовал в себе здоровье, и мне хочется немного жареного мяса", и она отвечала ему: "Клянусь Аллахом, о брат мой, нет у меня смелости побираться. Завтра я пойду в дом какого-нибудь вельможи и стану служить и заработаю что-нибудь нам на пропитание". И потом она подумала немного и сказала: "Мне не легко будет расстаться с тобою, когда ты в таком состоянии, но я пойду против воли". А ее брат воскликнул: "Станешь ли униженной после величия? Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха!" И он заплакал, и она тоже заплакала и сказала: "О брат мой, мы чужеземцы, и мы прожили здесь целый год, но никто не постучался к нам в дверь. Или нам умирать с голоду? Я думаю одно: пойду и буду сложить и принесу тебе что-нибудь, чем мы будем кормиться, пока ты не выздоровеешь от твоей болезни, а потом мы отправимся в нашу страну".

И она немного поплакала, и брат ее тоже плакал, лежа на подушках, а затем Нузхат-аз-Заман поднялась и покрыла себе голову куском плаща (а это была одежда погонщика верблюдов, которую ее владелец забыл у них) и, поцеловав брата в голову, обняла его и вышла, плача, и она не знала, куда пойти. И она ходила, а брат ожидал ее, и уже приблизилось время вечера, но Нузхат-аз-Заман не возвращалась. И брат ее пролежал, ожидая ее, пока не настал день, но она не вернулась к нему, и он провел в таком положении два дня, и ему стало от этого тяжело, и сердце его встревожилось за сестру, и голод его усилился. Он вышел из комнаты и, крикнув мальчика из хана, сказал ему: "Я хочу, чтобы ты снес меня на рынок". И мальчик отнес его и бросил на рынке. И жители Иерусалима собрались вокруг юноши и стали плакать о нем, увидя его в таком состоянии. И он сделал им знак, прося чего-нибудь поесть, и ему принесли от одного из купцов, что был на рынке, несколько дирхемов, купили кое что и накормили. А потом его подняли и положили у одной из лавок, разостлав кусок циновки, а у изголовья его поставили кувшин.

Когда же подошла ночь, все люди ушли от него, унося с собою заботу о нем. А в полночь юноша вспомнил о своей сестре, и его недуг усилился, и он перестал есть и пить и исчез из бытия. И люди на рынке поднялись и взяли для него у купцов тридцать дирхемов серебром, и наняли верблюда и сказали верблюжатнику: "Взвали этого человека на верблюда, доставь его в Дамаск и свежи в больницу; может быть, он выздоровеет и поправится". И верблюжатник ответил: "На голове!" А затем он сказал себе: "Как я поеду с этим Больным, когда он близок к смерти?" И он вывез его в какое-то место и скрывался с ним там до ночи, а потом бросил его на кучу навоза возле топки одной из бань и ушел своей дорогой.

Когда же настало утро, истопник бани поднялся на работу и увидел Даль Макана, лежавшего на спине, и подумал: "Почему они бросили этого мертвеца как раз здесь!" И он пихнул его ногой, и Дау-аль-Макан шевельнулся, и еогда истопник воскликнул: "Наедятся хашиша и валяться где попало!" И он взглянул в лицо юноше и видел, что у него на щеках нет растительности и что он красив и прелестен, и когда его взяла жалость к юноше, и он понял, что это больной и чужеземец. "Пет мощи и силы, кроме как у Аллаха! – воскликнул он. – Я совершил грех из-за этого юноши, а пророк, – да благословит его Аллах и да приветствует, – наставлял почитать чужеземца, в особенности если он болен". И, подняв юношу, он принес его в свое жилище, и вошел с ним к своей жене, и велел ей ходить за ним и постлать ему ковер, и она постлала и положила ему под голову подушку, а затем она принесла воды и вымыла юноше руки, ноги и лицо.

А истопник пошел на рынок и принес немного розовой коды и сахару, и приснул розовой водой в лицо Дау-альМакану и напоил его водой с сахаром. А потом он вынул для него чистую рубаху и надел ее на него. И юноша почувствовал веяние здоровья, и исцеление направилось к нему, и он оперся на подушку, а истопник обрадовался и воскликну л: "Слава Аллаху за выздоровление этого юноши! Боже, прошу тебя, силою твоей сокрытой тайны сделай, чтобы спасение этого юноши было от моих рук..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьдесят четвертая ночь

Когда же настала пятьдесят четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что истопник воскликнул: "О боже, прошу тебя, силою твоей сокрытой тайны сделан так, чтобы спасение этого юноши было делом моих рук!"

И истопник ходил за ним три дня, поя его сахаром и ивовым соком и розовой водой, и был с ним ласков и кроток, пока здоровье не разлилось по его телу. И Дау-аль-Макан открыл глаза, и тогда истопник вошел к нему и увидел, что эк сидит и выглядит бодро, я спросил: "Каково тебе, дитя мое, в этот час?" И Дауаль-Макан ответил: "Слава Аллаху, я в этот час во здравии и благополучии по воле Аллаха великого!" И истопник прославил за это владыку, И, отправившись на рынок, купил юноше десять цыплят, принес их своей жене и сказал: "Режь ему каждый день по две птицы – рано утром одну и в конце дня одну". И они поднялась, зарезала ему цыпленка и, сварив его, принесла юноше, накормила его и дала выпить отвара. А когда он кончил есть, она подала горячей воды, и Дау-аль-Макан вымыл руки и прилег на подушку, а она накрыла его плащом, и он проспал до времени заката. И тогда жена истопника сварила другого цыпленка и принесла его юноше и разняла цыпленка и сказала: "Ешь, дитя мое!" И когда он ел, вдруг вошел ее муж и, увидев, что она кормит юношу, сел у его изголовья и спросил: "Каково тебе теперь, дитя мое?" – "Слава Аллаху за выздоровление, да воздаст тебе Аллах за меня благом", – ответил Дау-аль-Макан. И истопник обрадовался, а потом он вышел и принес ему фиалковое питье и розовую воду и напоил его. А этот истопник работал каждый день в бане за пять дирхемов, и ежедневно он покупал юноше на дирхем сахару, розовой воды, фиалкового питья и ивового сока и на дирхем покупал цыплят, и он ухаживал за юношей, пока не прошел месяц и следы его болезни не исчезли и здоровье не направилось к нему.

И истопник с женой обрадовался выздоровлению Дауаль-Макана и сказал ему: "О дитя мое, не хочешь ли пойти со мною в баню?" И когда юноша ответил "Хорошо!", истопник пошел на рынок, привел ослятника и, посадив Дау-аль-Макана на осла, поддерживал его, пока по достиг с ним бани. И когда он посадил его и, отведя осла к топке, пошел на рынок и купил листьев лотоса и бобовой муки, а потом он сказал Дау-аль-Макану: "О господин, во имя Аллаха, войди, я вымою тебя".

И они вошли в баню, и истопник принялся тереть Дауаль-Макану ногу и стал мыть ему тело лотосом и мукой [113], но пришел банщик, которого хозяин послал к Дау-альМакану, и увидел, что истопник моет его и трет ему ноги.

И банщик подошел к нему и сказал: "Это ущерб для хозяина" [114], а истопник ответил: "Клянусь Аллахом, хозяин осыпал нас своими милостями!" И банщик стал брить Дауаль-Макану голову, а потом юноша с истопником вымылись, после чего истопник привел его в свое жилище и надел на него тонкую рубаху и одежду из своих одежд, красивый тюрбан и тонкий пояс и обернул его шею платком.

А жена истопника зарезала для него двух цыплят и сварила их. И когда Дау-аль-Макан пришел и сел на постель, истопник поднялся и, распустив сахар в ивовом соке, напоил его, а потом подали скатерть и истопник стал делить цыплят на части и кормил Дау-аль-Макана и поил его отваром, пока тот не насытился. И юноша вымыл руки и, прославив Аллаха великого за выздоровление, сказал истопнику: "Ты тот, кого Аллах великий соблаговолил послать мне, и он сделал мое спасение делом твоих рук". И истопник отвечал ему: "Оставь эти речи и скажи нам, по какой причине ты прибыл в этот город и откуда ты? Я вижу на твоем лице следы благоденствия". "Скажи мне, как ты нашел меня, и я расскажу тебе мою историю", – ответил Дау-аль Макан. И истопник сказал: "Что до меня, то я, отправляясь на работу, нашел тебя на навозной куче рано утром возле входа в баню. Я не знаю, кто бросил тебя там. И я взял тебя к себе, и вот вся моя история". – "Слава тому, кто оживляет кости, когда они истлели! – воскликнул Дау-аль-Макан. – О брат мой, ты оказал милость достойному ее и сорвешь богатые плоды. А в каком я теперь городе?" – спросил он потом истопника, и тот ответил: "Ты в городе Иерусалиме". И тогда Дау-аль-Макан вспомнил, что он на чужбине, и, подумав о разлуке со своей сестрой, он заплакал и открыл свою тайну истопнику. И он рассказал ему свою историю и произнес:

"Любовью обременен я ими сверх сил моих,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И вот из-за них теперь я страдаю, как в судный день.

О, сжальтесь, ушедшие, над кровью души моей,

Ведь сжалились после вас злорадные надо мной"

Не будьте скупыми вы и взгляд подарите мне

Он муку смягчит мою и страсть чрезмерную.

И душу мою просил без вас потерпеть, но мне

Сказала душа: "Отстань! Терпеть мне не свойственно!"

И потом он еще сильнее заплакал, а истопник сказал ему: "Не плачь и прославь Аллаха великого за спасение и выздоровление". А Дау-аль-Макан спросил: "Сколько дней отсюда до Дамаска?" – "Шесть дней", – ответил истопник. И Дау-аль-Макан молвил: "Не согласишься ли ты отослать меня туда?" – "О господин, – воскликнул истопник, – как я отпущу тебя одного, когда ты человек молодой и чужеземец? Если ты хочешь отправиться в Дамаск, то я тот, кто поедет с тобою. И если моя жена послушает меня и будет повиноваться, я останусь там, так как мне не легко с тобой расстаться".

Потом истопник сказал своей жене: "Не хочешь ли ты отправиться со мною в Дамаск Сирийский, или ты останешься здесь, пока я буду с моим господином в Дамаске Сирийском и не возвращусь к тебе? Он стремится в Дамаск Сирийский, а мне, клянусь Аллахом, не легко расстаться с ним, и я боюсь для него зла от разбойников с дороги". – "Я поеду с вами", – ответила ему жена"

И истопник воскликнул: "Слава Аллаху за согласие! Дело закончено!"

А потом он поднялся и продал свои пожитки и пожитки жены..."

Пятьдесят пятая ночь

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала пятьдесят пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что истопник и его жена сговорились с Дау-аль-Маканом отправиться в Дамаск, а потом истопник продал свои пожитки и пожитки своей жены, купил верблюда и нанял осла и посадил на него Дау-аль-Макана, и они поехали, и ехали непрерывно шесть дней, пока не вступили в Дамаск, и прибыли туда в конце дня. И истопник пошел и купил, по обычаю, кое-какой еды и напитков, и они провели таким образом пять дней, а после этого жена истопника проболела немного и отошла к милости великого Аллаха, и это было тяжело Дау-аль-Макану, так как он привык к ней, пока она ходила за ним.

И когда она умерла, истопник печалился по ней великой печалью, и Дау-аль-Макан, посмотрев на него, увидел, что он опечален, и сказал ему: "Не горюй, мы все войдем в эту дверь". И истопник обернулся к нему и воскликнул: "Да воздаст тебе Аллах благом, о дитя мое! Аллах великий возместит нам, по своей милости, и прогонит от нас печаль! Не хочешь ли, дитя мое, выйдем и погуляем в Дамаске, чтобы развлеклось твое сердце". "Будь по-твоему", – ответил Дау-аль-Макан. И истопник поднялся и вложил свою руку в руку Дау-аль-Макана, и они вышли и пришли к стойлам дамасского вали и увидели верблюдов, нагруженных сундуками, коврами и парчовыми материями, и оседланных коней и бактрийских верблюдов и рабов, негров и белых, и народ суетился и толкался. И Дау-аль-Макан воскликнул: "Посмотрите-ка! Чьи это невольники, верблюды и материи?" И он спросил одною из слуг: "Кому эти подарки?" И спрошенный ответил ему: "Это дары дамасского эмира, которые он хочет послать царю Омару ибн ан-Нуману вместе с податью Сирии". И когда Дау-аль-Макан услышал эти слова, его глаза наполнились слезами, и он произнес:

"О ушедшие с глаз моих, вы навеки

В моем сердце кашли себе пребыванье.

Вашу прелесть не вижу я, и живется

Мне не сладко, – тоска моя неизменна.

Если встретить судил Аллах мне вас снова,

В долгой речи о страсти вам расскажу я".

А окончив своя стихи, он заплакал, и истопник сказал ему: "О дитя мое, мы едва уверились, что выздоровление пришло к тебе! Успокой же свою душу и не плачь, я боюсь возврата твоей болезни!"

И он, не переставая, уговаривал его и шутил с ним, а Дау-аль-Макан вздыхал и печалился о том, что он на чужбине и в разлуке с сестрой и со своим царством, и лил слезы. А потом он произнес такие стихи:

"Благ жизни бери в запас, – покинешь ведь ты ее,

И знай, несомненно смерть к тебе снизойти должна.

Твое благоденствие – соблазн и печаль одна,

И жизнь в этом мире вся тщетна и бессмысленна.

Поистине, наша жизнь – стоянка для путника:

Под ночь прибывает он, а утром снимается".

И Дау-аль-Макан стал плакать и стенать о том, что он на чужбине, а истопник плакал о разлуке со своей женой, по он не переставал уговаривать Дау-аль-Макана, пока не наступило утро. А когда взошло солнце, истопник спросил его: "Ты как будто вспомнил свою страну?" И Дау-альМакан ответил: "Да, и я не могу оставаться здесь. Поручаю тебя Аллаху. Я отправляюсь с этими людьми и буду идти с ними понемногу, понемногу, пока не достигну своей земли". – "И я с тобою! – воскликнул истопник, – я не могу тебя покинуть! Я сделал себе милость и хочу завершить ее, служа тебе!" – "Да воздаст тебе за меня Аллах благом!" – отвечал Дау-аль-Макан и обрадовался, что истопник едет с ним. А затем истопник тотчас же вышел и купил себе другого осла, а верблюда продал. И он приготовил припасы и сказал Дау-аль-Макану: "Поезжай на этом осле, а когда устанешь ехать верхом, сойди и иди пешком".

И Дау-аль-Макан воскликнул: "Да благословит тебя Аллах, и да поможет он мне воздать тебе тем же! Ты сделал мне столько добра, сколько никто не сделает своему брату". А затем истопник выждал, пока спустится мрак, и они взвалили свои припасы и пожитки на осла и поехали.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Вот что было с Дау-аль-Маканом и истопником. Что же касается до его сестры, Нузхат-аз-Заман, то она, покинув своего брата Дау-аль-Макана, вышла из хана, где они жили в Иерусалиме, и, завернувшись в плащ, пошла, чтобы кому-нибудь услужить и купить брату жареного мяса, которого ему захотелось. И она вышла, плача, и не знала, куда направиться, и сердце ее было обеспокоено и пребывало у брата. И она вспомнила близких и родину и стала молить Аллаха великого, чтобы он отклонил это испытания, и произнесла такие стихи:

"Спустилась на землю ночь, И вновь взволновала страсть

Недуги во мне мои, и боль шевелит тоска.

Печаль расставания в душе поселилась,

И ввергнута в небытие любовью и страстью я.

Волнует любовь меня, сжигает тоска меня,

А слезы открыли то, что прежде скрывала я.

Не знаю, как хитростью добиться сближения,

Чтоб слабость и хворь мою могла удалить она.

Ведь в сердце моем огни тоской разжигаются

И пламенем адских кар терзают влюбленного,

Хулящий меня за все бывшее! Довольно уж,

Что приговор я терплю, каламом начертанный.

Любовью моей клянусь, вовек не утешусь я,

А клятва людей любви правдива всегда была.

Рассказчикам про любовь скажи обо мне, о ночь,

И, зная, свидетельствуй, что я не спала совсем".

И затем Нузхат-аз-Заман, сестра Дау-аль-Макана, заплакала и пошла, оглядываясь направо и налево, и вдруг видит старика, едущего из пустыни, и с ним пять человек арабов-кочевников. И этот старец оглянулся на Нузхат-азЗаман и увидел, что она красива, а на голове у нее рваный плащ, и, удивленный ее красотой, сказал про себя: "Поистине, это красавица, ошеломляющая ум, но она живет в грязи! И будь она из жительниц этого города или чужестранка, мне не обойтись без нее!"

И старец следовал за нею понемногу, понемногу, пока не встретился ей на пути в одном узком месте. И он кликнул ее, чтобы спросить, что с нею, и сказал: "О доченька, ты свободная или невольница?" И, услышав его слова, девушка посмотрела на него и воскликнула: "Заклинаю тебя жизнью, не причиняй мне новых печалей!" А старец сказал: "Мне досталось шесть дочерей, и пять из них умерли, а одна жива, и она моложе всех годами. Я подошел к тебе спросить, из этой ли ты страны, или чужеземка, я хочу взять тебя и приставить к ней, чтобы ты развлекала ее я она забыла бы с тобою печаль по сестрам. И если у тебя никого нет, я сделаю тебя как бы одной из них, и ты станешь подобна моим детям".

Услышав эти речи, Нузхат-аз-Заман подумала: "Быть может, я буду в безопасности у этого старца", а затем она опустила голову от стыда и сказала: "О дядюшка, я дочь арабов, чужеземка, и у меня есть больной брат. Я пойду с тобою к твоей дочери с условием, что буду у нее днем, а ночью стану уходить к брату. Если ты примешь это условие, я пойду к тебе, так как я чужеземка и была великой в своем народе, по стала униженной и презренной. Я пришла с братом из стран аль-Хиджаза и боюсь, что мой брат не знает, где я".

Услышав ее слова, кочевник сказал про себя: "Клянусь Аллахом, я получил то, что хотел!", а затем он обратился к ней и сказал: "У меня нет никого дороже тебя, и я только хочу, чтобы ты развлекала мою дочь днем, а с началом ночи ты будешь уходить к брату. Если же захочешь, перенеси его к нам". И бедуин [115] непрестанно успокаивал ее сердце и говорил с нею мягкими речами, пока она не почувствовала склонности к нему и не согласилась у него служить. Он пошел впереди нее, и она последовала за ним, а старец мигнул тем, кто был с ним, и они опередили их и приготовили там верблюдов, нагрузив на них тюки и положив сверху воду и припасы, так что когда старец с девушкой прибыли к ним, они погнали верблюдов и поехали.

А этот бедуин был сын разврата, пресекающий дороги и предающий друзей, разбойник, коварный и хитрый, и не было у него ни сына, ни дочери; он только проезжал по дороге и встретил эту бедняжку по предопределению великого Аллаха. И бедуин всю дорогу разговаривал с нею, пока не вышел из города Иерусалима в окрестности и не встретился со своими товарищами. И оказалось, что они уже снарядили верблюдов. И тогда бедуин сел на верблюда, посадил Нузхат-аз-Заман сзади себя, и они ехали всю ночь. И Нузхат-аз-Заман поняла, что его слова были хитростью против нее и что бедуин ее обманул, и она плакала и кричала полую ночь, а они ехали по дороге, направляясь в горы, так как боялись, что их кто-нибудь увидит.

И когда настало время, близкое к рассвету, они сошли с верблюдов, и бедуин подошел к Нузхат-аз-Заман и сказал ей: "О горожанка, что это за плач? Клянусь Аллахом, если ты не замолчишь, я буду тебя бить, пока ты не погибнешь, о девка из города!" И, услышав эти слова. Нузхат-аз-Заман почувствовала отвращение к жизни и пожелала смерти. И, обратившись к бедуину, она воскликнула: "О скверный старец, о седой из геенны! Я доверилась тебе, а ты обманул меня и хочешь меня измучить!" А бедуин, услышав ее слова, закричал: "О девка, и у тебя есть язык, чтобы отвечать мне!" И он подошел с бичом и стал бить ее, восклицая: "Если ты не замолчишь, я убью тебя!" И Нузхат-аз-Заман на время умолкла, а затем она вспомнила брата и свое бывшее благоденствие и тайком заплакала.

А на другой день она обратилась к бедуину и сказала ему: "Как это ты сделал со много такую хитрость и привел меня в эти пустынные горы? Чего ты от меня хочешь?" И когда бедуин услышал ее слова, его сердце ожесточилось, и он воскликнул: "О скверная девка, и у тебя есть язык, чтобы отвечать мне!" – и, взяв бич, опустил его на ее спину и бил ее, пока она не обеспамятела. И тогда девушка припала к его ногам и стала целовать их, и старик отбросил бич и принял ее ругать, говоря: "Клянусь моим колпаком, если я увижу или услышу, что ты плачешь, я отрежу тебе язык и засуну его тебе в кузе, о городская девка!"

И Нузхат-аз-Заман смолчала и не ответила ему, так как ей было больно от побоев, и она села на корточки и спрятала голову в ворот рубахи и стала думать о своем положении и о том, как она унижена после величия и сколько испытала побоев. И вспомнив о своем брате, который болен и одинок, и о том, что они оба на чужбине, она облила щеки слезами и заплакала тайком и произнесла:

"Обычай судьбы таков: то к нам, то от нас идет;

Недолго судьба людей в одном положении.

Всему, что на свете есть, предельны" назначен срок,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И также для всех людей кончаются сроки.

Доколе же мне скосить стеснение и ужасы?

О горе! вся жизнь моя – стеснение и ужас.

Не дай, Аллах, счастья дням, когда я знатна была

Так долго, но в знатности таился позор мой.

Желанья обмануты, прервались мечты мои!

Разлукой разорваны все прежние связи.

О, тот, кто проходит мимо дома, где кров мой был,

Скажи от меня ему, что слезы обильны".

А когда она окончила свои стихи, бедуин поднялся к ней и высказал ей ласку и пожалел ее. Он вытер ей слезы и дал ей ячменную лепешку и сказал: "Я не люблю тех, кто мне отвечает в пору гнева. Ты впредь не отвечай мете такими мерзкими словами, и я продам тебя хорошему человеку, как я, который будет обращаться с тобою хорошо, как и я поступал с тобою".

И Нузхат–аз–Заман ответила ему: "Ты хорошо сделаешь". А потом, когда ночь показалась ей длинной и голод стал жечь ее, она съела немного этой ячменной лепешки, а с наступлением полуночи бедуин приказал своим людям трогаться..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятьдесят шестая ночь

Когда же настала пятьдесят шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что бедуин дал Нузхат–аз–Заман ячменную лепешку и обещал, что продаст ее такому же хорошему человеку, как оп, и девушка сказала: "Ты хорошо сделаешь", а когда наступила полночь и голод стал жечь ее, она съела немного ячменной лепешки. А затем бедуин приказал своим людям трогаться, и они нагрузили верблюдов, а бедуин сел на верблюда и посадил Нузхат–аз–Заман сзади, и они поехали и ехали непрерывно в течение трех дней, а через три дня вступили в город Дамаск и остановились в хане султана, возле ворот наместника. А у Нузхат–аз–Заман изменился цвет лица от печали и утомления с дороги, и она заплакала из–за этого. И тогда бедуин подошел к ней и сказал: "О горожанка, клянусь моим колпаком, если ты не бросишь плакать, я никому не продам тебя, кроме как еврею!" Потом он встал и, взяв ее за руку, отвел ее в какое–то помещение, а сам пошел на рынок и стал ходить по купцам, что торгуют невольницами, и заговаривал с ними, говоря им: "У меня есть девушка, которую я привел с собою, а брат ее болен, и я послал его к моим родным в Иерусалим, чтобы они его лечили, пока он не выздоровеет. И я желаю ее продать, а она, с того дня как заболел ее брат, все плачет, и ей тяжело быть в разлуке с ним. И я хочу, чтобы тот, кто купит ее, говорил с нею мягко и сказал бы ей: "Твой брат у меня в Иерусалиме, больной". Я сбавлю за это на нее цену".

И один из купцов поднялся и спросил: "Сколько ей лет?" И бедуин ответил: "Она невинна и достигла зрелости, умна, образованна, сообразительна, красива и прелестна, но с тех пор как я отослал ее брата в Иерусалим, ее сердце занято мыслью о нем, и ее прелести изменились и ее вид стал другим". Услышав это, купец пошел с бедуином и сказал ему: "Знай, о шейх арабов, что я пойду с тобою и куплю у тебя невольницу, которую ты прославляешь и расхваливаешь за ум, образованность, красоту и прелесть. И я дам тебе цену за нее, но я оставлю тебе условия и, если ты их примешь, заплачу тебе ее цену наличными. Если же ты не примешь их, я верну тебе невольницу обратно". – "Если хочешь, – отвечал бедуин, – отведи ее к султану. Ставь мне какие хочешь условия – скажи только, когда ты ее приведешь к царю Шарр–Кану, сыну царя Омара ибн ан–Нумана, властителя Багдада и земли Хорасана, она, может быть, придется ему по сердцу, и он отдаст тебе ее цену и умножит твою прибыль за нее". – "А у меня, – сказал купец, – есть к нему просьба: написать мне разрешение из дивана, чтобы с меня не брали пошлины, и еще написать своему отцу, Омару ибнан–Нуману, рекомендательное письмо. И если он примет от меня девушку, я тотчас же отвечу [116] тебе ее цену" – "Я принял это условием, – сказал бедуин. И оба пошли и пришли к тому месту, где была Нузхат–аз–Заман, и бедуин остановился у двери помещения и крикнул ей: "Эй, Наджия!" (а он назвал ее этим именем), и, услышав его голос, она заплакала и не ответила ему. И бедуин обернулся и сказал купцу: "Вон она сидит, делай с ней что хочешь! Подойди к ней и взгляни на нее и будь с ней ласков, как я учил тебя".

И купец подошел к ней с приятным видом и увидел, что она небывалой красоты и прелести и к тому же знает арабский язык. И тогда купец сказал: "Если она такова!" как ты ее описал мне, я достигну благодаря ей у султана того, чего хочу".

"Мир с тобою, о дочка, каково тебе?" – сказал он потом, и Нузхат–аз–Заман обернулась к нему и ответила: "Это было начертано в Книге". И она посмотрела на него и видит – это человек степенный и красивый лицом, и тогда она сказала про себя: "Я думаю, он пришел меня купить. Если я не дамся ему, я останусь у этого злодея, и он сгубит меня побоями. Как бы то ни было, лицо этого человека красиво, и от него скорее можно ждать добра, чем от этого грубого бедуина. А может быть, он пришел, только чтобы послушать мои речи. Я отвечу ему хорошим ответом". И при всем этом глаза ее смотрели в землю, а затем она подняла свой взор к купцу и сказала ему нежными словами: "И с тобою мир, о господин, и милость Аллаха и благословение его – так повелел отвечать пророк, – да благословит его Аллах и да приветствует! А что до твоих слов "каково тебе?" – то, если хочешь узнать, что со мною, желай этого только твоим врагам". И она умолкла, и когда купец услышал ее слова, ум его улетел от радости, и, обернувшись к бедуину, он спросил его: "Сколько она стоит? Поистине, она благородна!" И бедуин рассердился и крикнул: "Ты испортил мне девушку этими словами! Зачем ты говоришь, что она благородная, когда она – отребье невольниц и происходит из самых низких: людей? Я не продам ее тебе!" И купец, услышав его слова, понял, что он малоумен, и сказал: "Сдержи свой нрав! Я куплю ее, несмотря на те недостатки, о которых ты говоришь!" – "А сколько ты мне дашь за нее?" – спросил бедуин. – "Сыну дает имя только отец; требуй же ты, сколько тебе хочется!" – ответил торговец. Но бедуин воскликнул: "Будешь говорить только ты!" И тогда купец подумал: "Этот бедуин – сухоголовый крикун! Клянусь Аллахом, я не знаю ей цены, но она покорила мое сердце своим красноречием и прекрасной внешностью, а если она пишет и читает, то в этом завершение милости для нее и для того, кто купит ее. По этот бедуин не знает, какая ей йена".

И, обернувшись к бедуину, он сказал: "О шейх арабов, л дам за нее двести динаров, целиком тебе в руки, но считая налогов и доли султана". И, услышав это, бедуин пришел в сильный гнев и закричал на купца: "Поднимайся И иди своей дорогой! Клянусь Аллахом, если бы ты дал мне двести динаров за тот кусок плаща, который на ной надет, я бы не продал его тебе. И я не стану больше ее продавать, а оставляю ее у себя пасти верблюдов и молоть на мельнице!" И он крикнул девушке: "Пойди сюда, вонючая, я не продаю тебя!" А затем обернулся к купцу и сказал:

"Я считал, что ты из знающих людей! Клянусь моим колпаком, если ты не уйдешь, я заставлю тебя услышать то, что тебе не понравится". – "Поистине, этот бедуин одержимый и не знает ей цены, – подумал купец. – Я сейчас ничего не скажу ему о ее цене; будь он человеком разумным, он не говорил бы: "Клянусь моим колпаком!" Клянусь Аллахом, она стоит царства Хосроя, и со мной нет платы за нее, но если он потребует с меня больше, я дам ему сколько он захочет, хотя бы он взял все, что у меня есть". И, обернувшись к бедуину, он сказал ему: "О шейх арабов, будь терпелив и сдержи свою душу. Скажи мне, что у тебя есть из ее одежды?" – "А какая одежда годится для этой девки? – воскликнул бедуин. – Клянусь Аллахом, и этого плаща, в который она завернута, для нее много". – "С твоего позволения я открою ей лицо и поворожаю ее, как люди ворочают невольницу при покупке", – сказал купец, и бедуин отвечал: "Делай с нею, что хочешь, сохрани Аллах твою молодость! Осмотри ее снаружи и изнутри, и, если хочешь, сними с нее одежду и погляди на нее голую". – "Сохрани Аллах, я взгляну только на ее лицо", – сказал купец и подошел к девушке, смущенный ее красотой и прелестью..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

